

Соловьева Наталия Владимировна

ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ АНТОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ АНТОНИМОВ)

В статье анализируются существующие в современной науке классификации антонимов по типу значения, характеру противопоставления, степени противопоставленности, использованию в типовых антонимических контекстах. Проведенный анализ позволяет утверждать, что интерес к функционированию антонимических оппозиций в речи неуклонно возрастает, и рассматривать антонимы как выразительное средство создания контраста и средство сохранения когезии и когерентности текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 179-185. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11-112

Филологические науки

В статье анализируются существующие в современной науке классификации антонимов по типу значения, характеру противопоставления, степени противопоставленности, использованию в типовых антонимических контекстах. Проведенный анализ позволяет утверждать, что интерес к функционированию антонимических оппозиций в речи неуклонно возрастает, и рассматривать антонимы как выразительное средство создания контраста и средство сохранения когезии и когерентности текста.

Ключевые слова и фразы: антонимы; антонимический контекст; контекстуальная антонимия; текстообразующая функция; контраст; когезия; когерентность.

Соловьева Наталья Владимировна, к. филол. н.
Московский государственный областной университет
natavs@list.ru

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ АНТОНИМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ АНТОНИМОВ)[©]**

В настоящей работе рассматриваются семантические классификации антонимов с целью выявить условия реализации коммуникативно-прагматического потенциала антонимии как средства создания контраста в тексте и показать, что контекстуальные антонимы не только являются выразительным средством создания контраста, но и выполняют важную текстообразующую функцию, сохраняя когезию и когерентность текста.

Текст как вербальное произведение, процесс его порождения и восприятия привлекает специалистов разных областей знания – литературоведов, психологов и в первую очередь – лингвистов, рассматривающих функционально-коммуникативные свойства языка. По единодушному утверждению лингвистов, текст выступает как феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка. Более того, текст рассматривается как основная единица коммуникации, способ хранения и передачи информации, форма существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивидов [13, с. 104]. Эти характеристики текста лежат в основе многочисленных определений феномена текста и множественности его описаний (в том числе, генеративного, логико-прагматического, функционально-прагматического, когнитивно-дискурсивного).

Рассуждая о некоем объекте исследования, мы не можем не обратиться к закономерности его возникновения и формирования, т.е. его категориям. Значимость исследования текстовых категорий не вызывает сомнений, поскольку без них невозможно представить сам текст в его типологических чертах, категории текста – это те его параметры, на основе которых можно построить некую идеальную модель этого объекта исследования [4, с. 124]. В лингвистике пока еще не выработано единой точки зрения на сущность текстовых категорий и их систематизацию, что обусловлено различными подходами к изучению текста и сложностью толкования самого термина категория.

Так, Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина приводит следующие значения слова категория (нем. *Kategorie* < греч. *katēgoria*): 1) научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности, (*категории времени и пространства*); 2) группа лиц, предметов, явлений, объединенных общностью каких-либо признаков, (*высшая категория качества*); 3) родовое понятие, отражающее разряд предметов, отношений или наиболее общий признак (*грамматическая категория падежа*) [8]. Понимание категории как родового понятия, отражающего наиболее общий признак, лежит в основе определения категории текста, предлагаемой Н. С. Болотновой, согласно которому, категории текста – это, текстовые качества, важнейшие признаки текста, имеющие типизированный и обобщающий характер [2, с. 161]. Несколько по-иному трактуется категория текста в Новом словаре методических терминов и понятий, в котором категория текста рассматривается как существенный признак текста, представляющий собой отражение смысла текста с помощью языковых, речевых и собственно текстовых средств [12].

По утверждению известного отечественного исследователя текста З. Я. Тураевой, категории текста отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании онтологических, гносеологических и структурных признаков текста, причем описание и изучение категорий, по мнению ученого, следует вести с учетом их таксономии и качественности [7].

Достаточно распространено представление о текстовой категории как о двуплановой сущности. Так, в Учебном словаре русского языка, культуры речи, стилистики и риторики Т. В. Матвеевой текстовая категория определяется как, один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами [Цит. по: 2, с. 159]. Автор словаря выделяет четыре параметра описания текстовых категорий: набор языковых составляющих; текстовую значимость различных типов языковых составляющих, определяемую на основании частотности типов и их представленности в сильных позициях текста; комбинаторику языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения текстовых категорий; размещение сигналов текстовых категорий на пространстве текста.

Обобщив результаты исследования текстовых категорий И. Р. Гальперина, Н. Д. Зарубиной, О. И. Москальской, Т. М. Николаевой, О. И. Таюпова и Ф. У. Жаббарова, предлагают четырнадцать текстообразующих категорий: целостность (или цельность), связность, завершенность, абсолютную антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость и последовательность, статичность и динамичность, напряженность, эстетичность, образность, интерпретируемость [14, с. 99].

Как полагают К. Бринкер, Р. де Богранд, В. Дресслер, к текстообразующим категориям можно отнести когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность и межтекстуальную связь [Там же].

Материальным элементом текстовой категории может выступать как языковая или речевая структура (предложение, высказывание, сверхфразовое единство, микротекст), так и единица языка (фонема, морфема, слово, устойчивое словосочетание). Многие концепции текста, выдвигаемые в рамках современной антропоцентрической парадигмы языкознания, по мнению филолога-русиста М. Я. Дымарского, теряют важную точку опоры без описания языковой основы текста, его структурно-семантического исследования [6, с. 26]. Убедительным представляется утверждение А. Е. Куманяевой о роли текста в проявлении сущностных признаков и значений языковых единиц. Именно в тексте средства языка становятся коммуникативно значимыми, коммуникативно обусловленными, объединяются в определенную систему и обнаруживают текстообразующие функции, выражающиеся в стимуляции текстовых категорий [9, с. 1-3].

Исследователи проявляют неизменный интерес к особенностям функционирования лексических средств, формирующих смысловую структуру текста. Слова-антонимы, находящиеся на крайних точках лексико-семантической парадигмы, служат основным средством создания контраста в тексте.

Под термином контраст принято понимать противоположность в каком-нибудь отношении; взаимное противопоставление синтагматически соположенных единиц, противопоставление сосуществующих единиц; резкая противоположность в каком-нибудь отношении; фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических, грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности [16, с. 11]. Причем авторское мировидение воплощается в контрастном изображении действительности, осмыслении объективного мира с точки зрения существующих в нем противоположностей, поэтому контраст принадлежит к одной из важнейших категорий текста (контраст как функциональная категория текста рассматривается в работе О функциональных категориях линейной грамматики Т. М. Николаевой) [7].

Контраст, основывающийся на противопоставлении образов и планов описания, проявляется на языковом, композиционном и идейно-эстетическом уровнях текста. Идейно-эстетическое воздействие на читателя оказывается при апелляции к его сфере чувств, и контраст как выразительное противопоставление выступает основным средством воздействия.

Рассмотрим пример использования контраста в тексте Книги Бытия (первой книги Ветхого Завета):

(1) And God said "Let there be light," and there was light. God saw that the light was good, and he separated the *light* from the *darkness*. God called the light "*day*" and the darkness he called "*night*". And there was *evening*, and there was *morning* – the first day [23]. /

И сказал Бог: да будет свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет *днем*, а тьму *ночью*. И был *вечер*, и было *утро*: день один [3].

В приведенном нами примере сотворение мира описывается при помощи ряда бинарных оппозиций, представленных лексическими антонимами, light – darkness, day – night, evening – morning.

Такие фигуры противоположности как антитеза и оксюморон – основные выразительные средства, реализующие контраст в художественном тексте. Антитеза выражает предельное различие предметов изображения, противоположность их проявлений в каком-либо отношении и характеризуется двухчастностью, использованием слов-антонимов при обозначении противоположных соотносительных признаков, предикатным характером слов, обозначающих противопоставляемые предметы и явления [1, с. 73].

Наиболее известным примером использования приема антитезы служит первое предложение Повести о двух городах Чарльза Диккенса.

Содержащиеся в нем восемь антонимических оппозиций задают, по словам К. Чуковского, ритм противопоставлений, пронизывающих всю книгу, передают атмосферу замешательства и крайностей во времена Французской революции:

(2) It was the *best* of times, it was the *worst* of times, it was the age of *wisdom*, it was the age of *foolishness*, it was the epoch of *belief*, it was the epoch of *incredulity*, it was the season of *Light*, it was the season of *Darkness*, it was the spring of *hope*, it was the winter of *despair*, we had *everything* before us, we had *nothing* before us, we were all going direct to *Heaven*, we were all going direct *the other way* – in short, the period was so far like the present period, that some of its noisiest authorities insisted on its being received, *for good or for evil*, in the superlative degree of comparison only [22]. /

Это было *лучшее* из всех времен, это было *худшее* из всех времен; это был век *мудрости*, это был век *глупости*; это была эпоха *веры*, это была эпоха *безверия*; это были годы *света*, это были годы *мрака*; это была весна *надежд*, это была зима *отчаяния*; у нас было *все* впереди, у нас не было *ничего* впереди; все мы стремительно мчались в *рай*, все мы стремительно мчались в *ад*, – словом, то время было так похоже на наше, что наиболее крикливые его представители требовали, чтобы к нему применялась и в *дурном* и *хорошем* лишь превосходная степень сравнения [5].

В отрывке говорится о насыщенном противоречиями времени, контрарные оппозиции , best – worstī , wisdom – foolishnessī , belief – incredulityī , Light – Darknessī , hope – despairī , everything – nothingī , Heaven – the other wayī , for good – for evilī выражают противопоставленные понятия. Антонимы , belief – incredulityī , Light – Darknessī , hope – despairī характеризуют чередующиеся циклические состояния, в антонимической паре , wisdom – foolishnessī заложен парадокс духовной жизни описываемой эпохи, в которую мудрость просветителей, вождей Французской революции обернулась безумием их последователей. Можно говорить и о парадоксальности фрагмента в целом, поскольку использование антонимов, с одной стороны, указывает на исключительную противоречивость эпохи, с другой стороны, делается вывод о ее обыкновенности: , the period was so far like the present periodī – , то время было так похоже на нашеī.

Под , оксюморонī понимается прагматически значимая фигура семантической противоположности, отмеченная особой авторской интенциональностью и соединяющая два антонимических понятия (два слова, противоречащие друг другу по смыслу), связанные определительными отношениями и усиливающие выразительность речи [1, с. 74]. В качестве примера использования оксюморона приведем фрагмент из комедии У. Шекспира , Сон в летнюю ночьī:

(3) , A tedious brief scene of young Pyramus
And his love Thisbe; very *tragical mirth*.
Merry and tragical! tedious and brief!
That is, *hot ice* and wondrous strange snow.
How shall we find the concord of this discord?ī [24]. /
. Грустная, краткая сцена Пирама,
Истинно траги-веселая драма.
Траги-веселая и грустная при том,
И краткая! Да это *лед горячий*
И *твердый снег*! Ну, как согласовать
Все эти несогласья?ī [15].

В приведенном нами примере существительные соединяются с контрастными по смыслу, но связанными с ними определительными отношениями прилагательными: , tragical mirthī – , веселая драмаī , hot iceī – , горячий ледī.

Оксюморон как проявление особой авторской интенциональности находим в речах известных актеров:

(4) , *Deep* down, I'm pretty *superficial*ī (Ava Gardner). /
. *Глубоко* в душе я очень *поверхностный* человекī;
. Acting is *happy agony*ī (Alec Guinness). /
. Актерская игра – это *мучительное счастье*ī [21, р. 20-21].

Согласно высказываниям, содержащим логически несовместимые понятия, выраженные лексическими единицами , deep superficialī – , глубоко поверхностныйī и , happy agonyī – , мучительное счастьеī, актерская игра представляется счастьем, приносящим муки и страдания, а актерской натуре свойственна поверхностность.

Рассуждая о воздействии на реципиента, подчеркнем, что антонимические оппозиции широко используются в публичных выступлениях, не только реализуя противопоставления, но задавая ритм речи и выступая в качестве средства персуазивности:

(5) , It's the answer spoken by *young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Latino, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled* – Americans who sent a message to the world that we have never been a collection of *red states and blue states*; we are, and always will be, the United States of Americaī (Barack Obama) [17, р. 237]. /

. Это ответ молодых и старых, богатых и бедных, демократов и республиканцев, черных, белых, латиноамериканцев, азиатов, американских индейцев, людей с традиционной и нетрадиционной ориентацией, дееспособных людей и людей с ограниченными возможностями – ответ американцев, отправивших миру послание о том, что мы никогда не были просто группой бывших британских колоний и новых штатов; мы есть и всегда будем Соединенными Штатами Америкиī. (*Перевод автора – Н. С.*)

В своей речи новоизбранный президент США Б. Обама обращается к разным возрастным, социальным, этническим группам американцев, используя семь антонимических оппозиций, которые призваны показать, что противопоставленные по сути группы представляют сплоченное единство граждан одной страны: пары , young – oldī и , rich – poorī, представлены контрастными антонимами; пары , Democrat – Republicanī , black – whiteī , gay – straightī , disabled – not disabledī представлены контрадикторными антонимами, причем противопоставление в последней из перечисленных пар обеспечивается отрицательной частицей , notī; пара , red (states) – blue (states)ī является контекстуальными антонимами.

Инвентарь языковых единиц, служащих для реализации контраста, определен достаточно полно. Проведенное исследование позволяет нам предложить несколько классификаций антонимов, значимых для обеспечения коммуникативно-прагматического потенциала контраста в тексте:

1) по типу значения (прямого или переносного) выделяются прямые и косвенные (метафорические) антонимы. Так, Джордж Лакофф и Марк Джонсон выделяют ряд пространственных метафор, выражающих противопоставление [19, р. 14]. По утверждению исследователей, метафор, ассоциирующихся с движением вверх, больше, чем метафор, ассоциирующихся с движением вниз:

My income *rose / fell* last year. /
Мой доход *вырос / снизился* в прошлом году.

Аналогичным образом противопоставляются душевные и физические состояния человека:

My spirits rose. / Я воспрянул духом.

I'm depressed. / Я подавлен;

2) по характеру противопоставления значений выделяют контрарные (градуальные) антонимы, выражающие качественную противоположность (*good – bad, hot – cold*); контрадикторные антонимы, выражающие комплементарную противоположность (*alive – dead, present – absent*); векторные антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков, свойств (*come – go, give – take*), и конверсивные антонимы, отражающие какое-либо отношение (или процесс) с противоположных сторон (*buy – sell, borrow – lend*) [10, с. 5-30];

3) по степени противопоставленности значений выделяют полные (или симметричные) антонимы, отличающиеся самой высокой степенью антонимичности, предельной противопоставленностью значений (*good – bad, happy – sad*) и неполные (или асимметричные) антонимы, характеризующиеся более слабой степенью антонимичности вследствие своей семантической или стилистической неоднородности (*hot – cool, good – terrible*) [Там же]. Кроме того, антонимы подразделяют на канонические (*canonical / prototypical*) и неканонические (*non-canonical / peripheral*). Канонические антонимы противопоставлены по значению и обладают идентичностью стиля и лексической сочетаемости, неканонические антонимы отличаются по стилю или лексической сочетаемости [18, р. 11]. Как полагает Линн Мерфи, только канонические антонимы могут быть противопоставлены в прямом и переносном значениях. Так, канонические антонимы *hot – cold* противопоставлены и в значении , краденый – приобретенный законным путем: , *He traded in his hot car for a cold one!* [20, р. 172].

Критерии антонимичности лексических единиц можно подразделить на парадигматические и синтагматические. К основным парадигматическим критериям можно отнести: противоположность (противопоставление, полярность) значений; антонимичность – особая дополнительная характеристика языковой единицы; семантическое единство (и противопоставление) антонимов; идентичность в дистрибуции антонимов; идентичность в стиле антонимов; различное звучание антонимов; возможность классификации антонимов; принадлежность антонимов к одной лексико-грамматической категории [10, с. 5-30].

К синтагматическим критериям антонимичности относится регулярное совместное употребление антонимов в речи. Причем можно выделить определенные синтаксические конструкции, в которых антонимы регулярно встречаются совместно. Так, контекстологический анализ корпуса текстов газеты *The Independent* объемом 280 млн слов позволил С. Джонсу выделить 8 функциональных типов антонимов, различающихся по характеру связи: вспомогательные антонимы (*ancillary antonyms*), сочинительные / согласующиеся антонимы (*coordinated antonyms*), сравнительные антонимы (*comparative antonyms*), выделенные антонимы (*distinguished antonyms*), переходные антонимы (*transitional antonyms*), отрицаемые антонимы (*negated antonyms*), предельные антонимы (*extreme antonyms*) и идиоматические антонимы (*idiomatic antonyms*) [18, р. 45-118]. Рассмотрим каждый из представленных функциональных типов подробнее.

Вспомогательная антонимия подразумевает наличие в контексте двух пар антонимов: одной устойчивой, закреплённой пары (*established / enshrined antonyms*), в терминологии Стивена Джонса) и одной вспомогательной пары (*related antonyms*), организованных в контексте по принципу A1B1 A2B2 или B1A1 B2A2. По мнению исследователя, в центре внимания оказывается пара вспомогательных антонимов, часто, когнитивных, вследствие неочевидности противопоставления:

(1) *I love to cook but I hate doing the dishes – so I'd have a dishwasher or a family of gypsies to do the washing up* [Ibidem, р. 45] (A1B1 A2B2). / Я люблю готовить, но терпеть не могу мыть посуду, поэтому не отказалась бы от посудомоечной машины или семьи цыган, которые могли бы мыть тарелки вместо меня (Здесь и далее перевод автора – Н. С.)

(2) *While many succeed, however, a significant number fail* [Ibidem, р. 58] (B1A1 B2A2). / В то время как многие преуспевают, значительное количество терпит неудачу.

Параллельные конструкции играют особую роль при создании контраста между антонимами из вспомогательной пары. При этом в контексте могут быть противопоставлены антропонимы или синонимы:

(1) *Charles, unskillfully, is playing for the popular vote; Diana, skillfully, is doing the same* [Ibidem, р. 49]. / Чарльз, неумело, пытается снискать популярность в народе; Диана, умело, делает то же самое.

(2) *Archer was a formal, eccentric man, long on acquaintances and short on friends* [Ibidem, р. 51]. / Арчер был сухим, эксцентричным человеком с большим количеством знакомых и небольшим количеством друзей.

Пара сочинительных / согласующихся антонимов соединяется союзами *and* (A and B) или *or* (A or B), реже *neither... nor* (neither A nor B) или *as well as* (A as well as B) и в случае принадлежности к прилагательным находится в препозиции или постпозиции к определяемому существительному. Такие пары антонимов контрарны или контрадикторны по степени противопоставленности, они всегда симметричны, так как принадлежат к одной семантической шкале и находятся на ее полюсах:

(1) *Today, the pressure to make hay while the sun fitfully shines has led to a massive slump in both public and private standards* [Ibidem, р. 61]. / В наше время необходимость ковать железо, пока горячо привела к существенному снижению общественных и частных этических норм.

(2) *Only he could have said whether this amounts to a reward or a punishment* [Ibidem, р. 69]. / Только он мог сказать, было это наградой или наказанием.

(3) *If a school with bad exam results says it is, nevertheless, producing fine people, we can neither agree nor disagree* [Ibidem, р. 71]. / Если школу заканчивают хорошие люди, несмотря на показанные ими на экзаменах плохие результаты, мы не можем ни хвалить, ни критиковать.

(4) *It would be interesting to hear all experiences, good as well as bad* [Ibidem]. / Было бы интересно услышать обо всех ситуациях, как хороших, так и плохих.

Сравнительные антонимы встречаются в структурах *. more A than B*, *. A is more (adjective) than B*, *. A rather than B* и выражают прямое сравнение, косвенное сравнение или предпочтение соответственно:

(1) *. Well, he said Cage, completely unabashed, . some living composers are more dead than alive* [Ibidem, p. 77]. / Ну, – сказал Кейдж совершенно невозмутимо, – некоторые живые композиторы *скорее мертвы, чем живы*.

(2) *But the Labour idea that income tax hits the rich harder than the poor is also... wrong* [Ibidem, p. 78]. / Но мысль лейбористов о том, что подоходный налог отражается *на богатых сильнее, чем на бедных*... не верна.

(3) *Wanting to be happy rather than sad, I accepted – then realized I had nothing to wear* [Ibidem, p. 79]. / Стремясь быть *скорее довольной, чем недовольной*, я согласилась – потом я поняла, что мне нечего надеть.

Противопоставленность выделенных антонимов усиливается лексическими единицами *difference* (distinction, division), *separating* (separate), *gap* (gulf) в структурах *. the difference between A and B*, *. separating A and B*, *. a gap between A and B*. Антонимичные единицы выступают параметрами отличия, само отличие может быть металингвистическим, подразумевающим общеизвестный факт и допускающим широкие обобщения, или метафорическим, построенным на пространственной метафоре [Ibidem, p. 81]:

(1) *Scientists admit that the discrepancies between male and female brains may be less important than education and experience* [Ibidem]. / Ученые признают, что *отличия между мужским и женским мозгом* играют менее существенную роль, чем образование и опыт.

(2) *. The gap between the successful and the unsuccessful must be narrowed, he said, . by ensuring that education provides a ladder upon which everyone can find a foothold* [Ibidem, p. 84]. / Разрыв между успешными и неуспешными должен быть уменьшен, – сказал он, – при помощи образования, служащего каждому лестницей, по которой можно подняться.

Переходные антонимы отражают перемещение, трансформацию, изменение качества или состояния. Структуры, в которых используются переходные антонимы (*. from A to B*, *. turning A into B*, *. A gives way to B*), С. Джонс называет прототипами [Ibidem, p. 85] и отмечает, что они могут претерпевать существенные изменения в зависимости от контекста – особенность, не выявленная у других функциональных групп:

(1) *Her film career similarly has lurched from success to failure, with enormous periods out of work* [Ibidem]. / Точно так же *взлеты сменялись падениями* в ее кинокарьере, сопровождавшейся долгими периодами без съемок.

(2) *Even hard currency has turned soft* [Ibidem, p. 87]. / Даже *устойчивая* валюта *оказалась неустойчивой*.

Основная функция структур с отрицаемыми антонимами – усиление контраста между противоположными понятиями путем эксплицирования внутренне присущих им антонимических черт [Ibidem, p. 88]. В этой группе усиление контраста также создается за счет использования единиц с семантикой отрицания (*. A not B*, *. A instead of B*, реже *. A as opposed to B*):

(1) *However, the citizen pays for services to work well, not badly* [Ibidem]. / Однако, гражданин платит, чтобы службы работали *хорошо, а не плохо*.

(2) *Instead of thinking short term, it was time to start thinking long term* [Ibidem, p. 90]. / *Вместо того чтобы думать о краткосрочных перспективах*, пора было задуматься о *долгосрочных* перспективах.

Как показало исследование, отрицаемые антонимы более характерны для устной речи, чем для письменной. Полярность предельных антонимов усиливается за счет наречий в позиции к антонимам, еще больше увеличивая дистанцию между отстоящими на шкале понятиями [Ibidem, p. 91] как в структурах *the very A and the very B, either too A or to B, deeply A and deeply B*:

(1) *For thousands of years in Britain, food had to be either very cold or very hot, but now they are accepting warm salads* [Ibidem, p. 92]. / Тысячелетиями еда в Британии должна была быть *или очень холодной, или очень горячей*, сейчас допустимы подогретые салаты.

(2) *You can use it as a planting medium, to improve soil that is too light or too heavy or as a mulch around ornamental plants* [Ibidem]. / Вы можете использовать это в качестве средства для посадки, чтобы улучшить *слишком легкую или слишком тяжелую* почву, или как перегной для декоративных растений.

(3) *Freud maintained in Civilization and its Discontents that human beings feel a deep hate and a deep love for civilization* [Ibidem]. / Фрейд утверждал в трактате *. Недовольство культурой*, что люди испытывают *глубокую ненависть и глубокую любовь* к цивилизации.

Функциональная группа предельных антонимов и группа сочинительных / согласующихся антонимов схожи в использовании союзов. Эти группы различаются в расставляемых акцентах: сочинительные контрастные антонимы находятся на полярных точках семантической шкалы, при этом подразумевается наличие промежуточных элементов; использование наречий с предельными антонимами привлекает все внимание к полярным противоположностям, промежуточные элементы исключены из поля зрения.

Идиоматические антонимы представляют собой устойчивые словосочетания, в которых идиоматичность языковой единицы превалирует над противопоставленностью входящих в ее состав элементов: *penny wise and pound foolish, easy come, easy go, through thick and thin*.

Как показывает анализ, наиболее продуктивными типами контекстов являются вспомогательная антонимия (38,7% от числа исследованных примеров) и антонимия согласования (38,4% от числа исследованных примеров) [Ibidem, p. 41].

Рассмотрим любопытный эксперимент, проведенный в рамках анализируемого исследования. Исследователь использовал высокопродуктивную структуру *. both... and*, актуализирующую сочинительные антонимы, и лексическую единицу *. good* – антоним из устойчивой симметричной оппозиции *. good* – *. bad* (эксперимент проводился с целым рядом вспомогательных и сочинительных антонимов, поэтому полученные результаты можно считать достоверными). По предположению исследователя, в структуре *. both A and B* элемент *. B* в большинстве случаев должен быть противопоставлен элементу *. A*, то есть роль контекста

в актуализации противопоставления существенна. Данные проведенного на основе корпуса текстов эксперимента подтвердили это предположение: в 71,4% случаев элементом , Вī выступил симметричный антоним , badī, в 14,3% случаев элементом , Вī стали ассиметричные антонимы , flawedī, , wickedī, , hardī, , nastyī.

Теоретически, контекстуальную антонимию могут составить любые единицы, относящиеся к одной лексико-семантической группе: антонимы, гипонимы, синонимы, омонимы. Бесспорно утверждение о том, что нередко контрастные отношения выражаются единицами разных лексико-семантических полей и что контраст вербализуется не только лексическими единицами, но и единицами других уровней языка. По мнению Ю. О. Новиковой, языковые и речевые антонимы следует отнести к речевой антонимии, поскольку , все то традиционное, что принадлежит языковой системе, функционирует в речи, тогда как в самой речи наблюдается большое разнообразие явлений, не относящихся к системным, а классифицируемым как речевые [11, с. 17]. Речевые антонимические оппозиции классифицируются в соответствии с тремя критериями: структурно-семантическим, метафизическим и результативным.

Структурно-семантический критерий позволяет выделить три группы оппозиций:

1) системные оппозиции, принадлежащие системе языка и составляющие ядро антонимии, входят в основу лексикона человека, отличаются частым употреблением в речи и реализацией антонимических отношений вне зависимости от контекста;

2) системно-речевые оппозиции, имеющие двойную референцию к языку и речи и занимающие околоядерную зону. Компоненты этих оппозиций отличаются невысокой степенью антонимичности, невысокой частотностью употребления в речи и не фиксируются в словарях по причине своей вариативности;

3) речевые оппозиции, относящиеся к речевой сфере и находящиеся на периферии антонимической системы. Члены речевых оппозиций в основном представлены словосочетаниями, предложениями, сверхфразовыми единствами, в силу чего противопоставляются по смыслу, а не по значению. В большинстве случаев подобные оппозиции ассиметричны, значительная их часть носит оценочный характер, многие из них на концептуальном уровне выступают как антиномии [Там же, с. 18-23].

Проанализированные контекстологические исследования убеждают, что роль текста в проявлении существенных признаков и значений антонимов велика. Важным условием реализации их основной семантической функции противопоставления и, следовательно, создания контраста в тексте (речи) является контактное употребление антонимов в определенных контекстах. В свою очередь, единицы-антонимы, способные выражать многоуровневые противопоставления в прямом и переносном значении, представленные семантически однородными и неоднородными лексическими единицами и единицами других уровней языка, способствуют линейной внутренней организации текста и поясняют присутствующие в тексте логико-смысловые связи, тем самым поддерживая и сохраняя его когезию и когерентность.

Список литературы

1. Айвазянц Е. В. Контраст как смыслообразующий принцип организации романтического поэтического текста: дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2014. 212 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учебное пособие. Изд-е 4-е. М.: Флинта; Наука, 2009. 520 с.
3. Ветхий Завет [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/> (дата обращения: 16.01.2015).
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
5. Диккенс Ч. Повесть о двух городах [Электронный ресурс] // Lib.ru. Классика. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1859_a_tale_of_two_cities.shtml (дата обращения: 16.01.2015).
6. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). Изд-е 3-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
7. К проблеме иерархии категорий текста [Электронный ресурс] // Библиотека РГУ имени С. А. Есенина. URL: <http://library.rsu.edu.ru/archives/7340> (дата обращения: 06.01.2015).
8. Категория [Электронный ресурс] // Толковый словарь иноязычных слов. URL: <https://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20иноязычных%20слов/Категория/> (дата обращения: 06.01.2015).
9. Куманяева А. Е. Изучение текстообразующей функции лексических средств как путь совершенствования речи учащихся: автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 2006. 32 с.
10. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Словарь антонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 5-30.
11. Новикова Ю. О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2010. 25 с.
12. Новый словарь методических терминов и понятий. Текстовая категория [Электронный ресурс]. URL: http://methodological_terms.academic.ru/2012/ТЕКСТОВАЯ_КАТЕГОРИЯ (дата обращения: 06.01.2015)
13. Садченко В. Т. Текст как объект лингвистической семиотики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5. С. 104-111.
14. Таюпова О. И., Жаббарова Ф. У. Категории текста как лингвистические универсалии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20. С. 98-100.
15. Шекспир У. Сон в летнюю ночь [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_midsummer4.txt_with-big-pictures.html#15 (дата обращения: 16.01.2015).
16. Шинкаренко Ю. В. Прием контраста и система разноуровневых языковых средств его выражения в поэмах А. С. Пушкина: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 27 с.
17. Gao Ch. A Linguistic Study of Antonymy in English Texts // Journal of Language Teaching and Research. Helsinki: Academy Publisher, 2014. Vol. 5. № 1. P. 234-238.
18. Jones S. Antonymy: a Corpus-Based Perspective. London: Routledge, 2002. 193 p.

19. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.
20. **Murphy L. M.** *Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy and Other Paradigms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 292 p.
21. **Panther K.-U., Thornburg L. L.** *Antonymy in Language Structure and Use* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexicom.es/drupal/files/AntonymyInLGStructUse.pdf> (дата обращения: 06.01.2015).
22. **Dickens Ch.** *A Tale of Two Cities* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/98/98-h/98-h.htm> (дата обращения: 08.01.2015)
23. **Genesis** [Электронный ресурс] // Biblegateway. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Genesis+1> (дата обращения: 08.01.2015).
24. **Shakespeare W.** *A Midsummer Night's Dream* [Электронный ресурс]. URL: <http://shakespeare.mit.edu/midsummer/midsummer.5.1.html> (дата обращения: 08.01.2015).

TEXT-FORMATIVE FUNCTIONS OF ANTONYMY (BY THE MATERIAL OF ENGLISH ANTONYMS)

Solov'eva Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Moscow Region State University
natavs@list.ru

In the article the existing in modern science classifications of antonyms are analyzed by the type of meaning, the character of opposition, the degree of opposedness, and the use in typical antonymic contexts. On the basis of the conducted analysis the author asserts that the interest in the functioning of antonymic oppositions in speech has been steadily increasing, and considers antonyms as expressive means of the contrast making and means of preservation of cohesion and coherence of the text.

Key words and phrases: antonyms; antonymic context; contextual antonymy; text-formative function; contrast; cohesion; coherence.

УДК 81'36

Филологические науки

Данная статья посвящается грамматике И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») 1612 года – первой научной грамматике тюркских языков. Основное внимание уделено анализу категории времени глагола. И. Мегизер рассматривает данную часть речи с призм латинского языка. Для более подробного анализа нами также использовался хрестоматийный материал.

Ключевые слова и фразы: грамматика; грамматические категории; тюркология; латинский язык; глагол; изъявительное наклонение; повелительное наклонение; сослагательное наклонение; настоящее время; прошедшее время; будущее время.

Сунгатуллина Миляуша Масхутовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
public.mail@kpfu.ru

ГЛАГОЛ В ГРАММАТИКЕ И. МЕГИЗЕРА «INSTITUTIONUM LINGVAE TURCICAE LIBRI QUATUOR» («ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА») 1612 ГОДА

В 1612 году в Лейпциге была издана грамматика Иеронима Мегизера . *Institutionum linguae Turcicae libri quatuor* (, Основные правила тюркского языка в четырех книгах), которая является первой печатной грамматикой тюркских языков.

Исследованию одной из самых сложных частей речи – глагола – И. Мегизер уделяет особое внимание. Богатый научный материал говорит об очень кропотливом и обстоятельном труде автора. Созданию данной главы предшествовала огромная работа по собиранию и систематизации материала. Научные искания исследователя показывают наблюдательность и старательность автора в определении основных правил данной части речи. И. Мегизер рассматривает глагол как самостоятельную часть речи и описывает так же, как и другие части речи, по системе латинских грамматик. Ученым выделяются категории числа, лица, наклонения, времени, залога, отрицательные и утвердительные формы. Категорию времени И. Мегизер находит также и у условного, и повелительного наклонения. Причастные и деепричастные обороты описываются как неличные формы глагола. После подробного описания образования каждой формы приводится пример спряжения ее по лицам в единственном и множественном числах. Рассмотрим грамматические категории подробнее.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время

Настоящее время (Praesens) изъявительного наклонения представлено следующими формами: первое лицо единственного числа формами на *-arem (-erem, -urem)*, множественного числа формами *-arus (-erus, -urus)*, второе лицо формами *-arsen (-ersen, -ursen)*, *-arsis (-ersis, -ursis)*, третье лицо имеет варианты: *-ar (-er, -ur)*,